

УДК: 327.88

СОВРЕМЕННЫЕ АКТОРЫ ПРОКСИ-КОНФЛИКТОВ И ИХ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Козлова Олеся Андреевна

студентка 3 курса кафедры теории и истории международных отношений

Российский университет дружбы народов

Улица Миклухо-Маклая, 17 к1, 117198, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ms.olesyakoz15@mail.ru

Аннотация

В научной статье автор исследует разные теоретические концепции выделения современных субъектов и объектов прокси-конфликтов, в основу которых вошли труды Эндрю Мамфорда, Тайрон Л. Гроха и Амоса Фокса. В работе рассматриваются отношения участников в рамках опосредованной войны и в их подтверждение приводятся исторические примеры. Также изучается инструментарий действий участников прокси-конфликтов и выделяются преобладающие способы влияния на акторов международных отношений. Автор приходит к выводу, что основными действующими лицами опосредованных войн выступают бенефактор (принципал) и доверенное лицо (агент), роль которых играют как государства, так и неправительственные субъекты, чьё влияние значительно увеличивается в век глобального капитализма. Основным методом воздействия участники прокси-конфликта определяют ведение информационной войны.

Ключевые слова: Прокси-война, бенефактор (принципал), доверенное лицо (агент), диверсионные действия, марионеточное правительство, инструментарий ведения войны.

MODERN PROXY CONFLICT ACTORS AND THEIR TOOLBOX

Olesya A. Kozlova

3rd year student of the Department of Theory and History of International Relations

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya Street, 17 k1, 117198, Moscow, Russian Federation

E-mail: ms.olesyakoz15@mail.ru

ABSTRACT

In a scientific article, the author explores different theoretical concepts of identifying modern subjects and objects of proxy conflicts, which are based on the works of Andrew Mumford, Tyrone L. Groh and Amos Fox. The work examines the relations of the participants within the framework of a proxy war and provides historical examples in verification of them.

Also, the toolkit of actions of participants in proxy conflicts is studied and the prevailing ways of influencing the actors of international relations are highlighted. The author comes to the conclusion that the main actors in mediated wars are the benefactor (principal) and the confidant (agent), the role of which is played by both states and non-governmental actors, whose influence significantly increases in the age of global capitalism. Participants in a proxy conflict determine the conduct of an information war as the main method of influence.

Keywords: Proxy war, benefactor (principal), confidant (agent), sabotage, puppet government, warfare tools.

Введение

Тенденцией современных международных отношений выступает ведение прокси-войн. Их распространение было обусловлено низкими военными расходами участников, которые сами определяют объём вмешательства. Более того, жертвы обоснованы договорённостью, а не национальной безопасностью, что воздействует на более позитивное восприятие общественностью внешнеполитического курса. В основном боевые группы состоят из граждан страны, на территории которой ведутся военные действия, что позволяет получать точную информацию, добиваться успеха миссии, ибо воюющие люди хорошо знают местность, культуру, язык и общество, а также ликвидировать националистическую реакцию, которая часто сопровождает иностранное вмешательство. Важными причинами распространения прокси-войн выдвигаются: возможность введения боевых действий вдали от границы государства, оказывающего воздействия на другого актора; ограничение эскалации; утверждение и отстаивание идеологического единomyслия. Следовательно, прокси-конфликты необходимо исследовать, чтобы выявить изменения международного конфликтного ландшафта. Научная новизна заключается в объединении всей информации о субъектах и объектах прокси-конфликтов в одном труде. Для написания научной статьи были использованы ряд основных работ, посвящённых прокси-конфликтам – Fox A. C. Conflict and the Need for a Theory of Proxy Warfare [7], Mumford A. Proxy Warfare [10] и Groh T. L. Proxy war: the least bad option [8]. Многие из материалов литературы исследованы впервые, что предопределяет глубокий анализ важного явления, оказывающего непосредственное воздействие на систему международной безопасности XXI в.

Цель исследования. Исследование основных действующих лиц прокси-конфликтов позволит выявить характер их отношений в рамках опосредованной войны, понять поведение акторов в ней и выделить их основные инструменты влияния.

Материалы и методы исследования. В качестве методологической основы для написания работы были использованы историографический и системный подходы. В процессе создания работы был использован комплекс взаимодополняющих методов исследования, таких как: исторический, сравнительный, структурный, системный и ретроспективный.

Результаты и их обсуждение

В последнее время тенденцией современной системы международных отношений, усилившей своё влияние на неё, выступает прокси-война. Данное явление подразумевает международный конфликт между двумя сторонами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьего актора, которым выступает государство, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в нём. Фактор политики вмешательства

появился задолго до холодной войны, но в этот период он претерпел существенные преобразования, что отразилось на современной теории об опосредованных войнах.

Прокси-конфликт представляет систему с конкретными акторами, действия которых определяет её развитие. Их количество при участии в конфликте не ограничено. Большая часть политологов, в которую входят Эндрю Мамфорд и Тайрон Л. Грох, выявляя участников данного явления, используют термины «бенефактор» и «доверенное лицо». Военные (например, майор армии США А. Фокс), пришедшие в науку после службы, определяют их, как «принципал» и «агент» соответственно. Тогда основой опосредованной войны являются отношения между бенефактором (принципал) и доверенным лицом (агент) [8]. В данной связи бенефактором выступает государственный или негосударственный субъект, продолжающий оставаться внешним по отношению к другим участникам конфликта, но связанный договоренностями с доверенным лицом. Последнее, в свою очередь, становится объектом, используемым бенефактором государственного или негосударственного типа, которому поставляются оружие, персонал, финансы и чьими руками в основном поддерживается конфликт. Однако в некоторых прокси-конфликтах возникает третья сторона, т.е. другие структуры, включающие в себя ТНК, международные криминальные и экстремистские организации, межгосударственные структуры и внутригосударственные политические движения, чьи силы непосредственно влияют на результаты.

В теории прокси-конфликтов А. Фокс, майор армии США и магистр военных искусств и наук в театральных операциях Школы перспективных военных исследований армии США (The U.S. Army's School of Advanced Military Studies) с целью создать концепции прокси-среды для анализа стратегических действий США в данной сфере, выделяет две модели прокси-политики: эксплуатации и транзакции [7]. Они обладают внешними сходствами, но и существенными внутренними различиями. В эксплуатационной модели отношений бенефактор обеспечивает жизненную силу доверительного лица, что создаёт прочную взаимосвязь между ними и утверждается безграничное влияние первого над вторым. Данная система изначально обуславливает поиск принципалом сильного агента, чтобы он мог достигать поставленные цели. Эксплуатационная модель приводит к временным отношениям между акторами прокси-конфликта. Следовательно, когда потребности бенефактора удовлетворены, или доверенное лицо не может больше поддерживать импульс к поставленным перед ним целям, тогда принципал прекращает отношения, или дистанцируется от агента. Ярким примером данной модели являются события Иракской войны (2003–2011 гг.), когда США ввели свои войска на территорию Ирака формально с целью борьбы с терроризмом и защиты международной безопасности («Иракская свобода»). Однако прямой целью внешней политики США было свержение режима Саддама Хусейна, а не разоружение государства [2]. После падения иракского лидера Пол Бремер был снят, часть войск демобилизованы. Но у США всё ещё оставались экономические интересы в данном регионе, что привело к восстановлению части армий Саддама Хусейна, чтобы они выполняли роль посредников в борьбе с террористической группировкой «Аль-Каида». Только изменения во внешнеполитическом курсе США повлияли на вывод практически всех их войск из Ирака в 2011 г., т.е. в течение девяти лет американские и восстановленные иракские войска определяли эксплуататорский характер отношений между США и Ираком, закончившийся ослаблением их связи и достижением целей бенефактора.

Успех прокси-политики способен изменить отношения между акторами и привести их к транзакционной модели, при которой связь имеет характер деловой сделки. В основе данной системе лежат такие факторы, как: обмен услугами и товарами между сторонами,

обучение сил агента, устранение взаимной угрозы от общего врага, зарубежная военная продажа и финансирование, что приносит пользу как бенефактору, так и доверенному лицу. Транзакционная связь позволяет агенту обладать властью в отношениях, хоть и не столь сильной, как у субъекта вмешательства. Ведь марионеточное правительство не попадет в зависимость, ибо не заинтересовано в военном или политическом подчинении. Оно только ищет помощь в борьбе с врагом, за которую заключает сделку. Следовательно, интерес агента к принципалу снижается по мере достижения общих целей двух участников. Характерным примером транзакционной модели прокси-отношений выступает просьба правительства Ирака в 2014 г. об оказании помощи от США и союзников в разгроме Исламского государства в Ираке. В отличие от ситуации в эксплуатационной системе, в данном случае доверенное лицо запрашивает поддержку со стороны для устранения определённой угрозы, т.е. происходит вмешательство по договорённости. При этом агент устанавливает параметры для бенефактора, включая такие элементы, как: ограничение сил, однозначность миссии и временные рамки. Он пытается согласовать свои политические и военные цели с интересами принципала и старается не допустить какой-либо зависимости от него.

Однако транзакционная модель достаточно уязвима в отношении внешнего влияния, что определяется характером связи между акторами прокси-конфликта. Приверженность агента к принципалу основывается на личных интересах, а не на факторе выживания, что предопределяет быстрый разрыв отношений при отсутствии выгоды хотя бы для одной стороны. Так, Китай и Россия, стремясь ослабить американо-иракские связи, оба сумели вклиниться в сферу военных продаж за границу и за рубежом военного финансирования, что было оплотом американской политической и военной стратегии в Ираке [9]. В данной ситуации интересы двух стран заключались в получении стратегического доступа, влияния и тактических возможностей по всей стране. В итоге обе модели эксплуатации и транзакции имеют изменчивое состояние, что выражается в их способности становиться следствием друг друга.

В противовес теории прокси-конфликтов Амоса Фокса становится классификация типов отношений между бенефактором и доверенным лицом Эндрю Мамфорда, профессора военных исследований Ноттингемского университета. Динамика политики вмешательства определяется четырьмя видами взаимодействия, показывающими весь инструментарий прокси-действий:

- 1) государство использует другое государство (как суррогатную силу);
- 2) государство использует негосударственный субъект (например, террористическую организацию, отряд ополченцев или частную военную компанию);
- 3) негосударственный субъект использует государство;
- 4) негосударственный субъект использует другой негосударственный субъект (в качестве суррогатной силы) [9].

В первом типе отношений бенефактором и доверенным лицом являются государства. Один актор выступает в качестве спонсора для другого, т.е. он, обладая ресурсным и идеологическим потенциалом, оказывает необходимую агенту поддержку. Данный вид взаимодействия был свойствен Кубе и СССР в период холодной войны, когда на Острове Свободы утвердилось революционное правительство Фиделя Кастро [4]. Государство нуждалось в военной и экономической поддержке для обеспечения национальной безопасности и преодолении торговой изоляции, в которую её поставили США и латиноамериканские страны.

Характерной чертой второго типа отношений стало использование принципалом, в лице государства, негосударственного субъекта для достижения своих

внешнеполитических целей, т.е. террористических организаций, общественных движений, ТНК, международные организации или ЧВК. Свидетельством состоятельности положения об использовании государством негосударственного субъекта в прокси-политике выступают американо-иракские отношения, в особенности в 2003 г., когда США поддерживал Верховный исламский совет, «Организацию Бадр», «Аль-Каида» и разные шиитские группировки с целью свергнуть режим Саддама Хусейна в Ираке [3].

Третий тип отношений обуславливает влияние негосударственного субъекта на государство. Развитие отношений происходит в обратном направлении. Доверенное лицо, изначально негосударственный актор, достигает зрелости и автономности, что позволяет ему воздействовать на правительство страны. В результате объединения нескольких шиитских групп и иранских «стражей исламской революции» в 1982 г. на территории Ливана возникло Движение «Хизбалла» («Партия Аллаха»). При активной поддержке Сирии и Ирана «Хизбалла» смогла быстро развить свою инфраструктуру во всех сферах [5]. В начале 90-х гг. XX в. организация преобразовалась в политическую партию с отдельной военной структурой, которая начала военные действия против Израиля, что способствовало обострению ливано-израильских противоречий.

Взаимодействия негосударственных субъектов образуют последний тип отношений, в которых сильная сторона оказывает влияние на более слабую, используя инструментарий прокси-политики. Существенным примером данного вида являются отношения между Угандой и Суданом в конце XX в. Исчезновение диктатора Уганды Иди Амина породило гражданскую войну, в процессе которой складывались различные военно-политические группировки. Изначально в Кампале было создано Движение национального сопротивления (NRM/НРМ) Йовери Мусевени, попытавшееся сформировать правительство посредством заключения мирного соглашения с основным противником – Угандийской народно-демократической армией (UPDA/УНДА). Однако против организации Йовери Мусевени восстало движение ачولي, называемое Мобильные силы Святого духа (HSMF/МССД), с течением времени преобразовавшееся в Господнюю армию сопротивления (LRA/ГАС), который возглавил Жозеф Кони. Новое правительство Уганды поддержало национальное движение в Судане, которое развивала Народная армия освобождения Судана (SPLA/СПЛА), противодействующая исламистскому правительству в Хартуме [1]. Следовательно, правительство Судана начало поддерживать повстанческую группировку ГАС, чтобы у Хартума появилась «доверенная армия» в Уганде, которая больше не могла бы поддерживать СПЛА. В итоге негосударственные военно-политические организации обрели большую силу, чем правительства государств, и начали влиять не только на их внутреннюю, но и на внешнюю политику.

При существовании в теории определённой классификации прокси-конфликтов, в ней не имеет места строго инструментария, отличающегося разнообразием. Одним из основных методов ведения прокси-войны выделяется поставка «живой силы». Бенефактор отправляет военных советников, обучающие кадры и воюющие силы доверенному лицу. В период холодной войны кубинские войска были переброшены в Ливию, Йемен, Анголу, Эфиопию, Бенин, Сьерра-Леоне, Уганду, Экваториальную Гвинею, Гренаду и Никарагуа для утверждения внешнеполитических интересов СССР [10]. Субъекты, осуществляющие вмешательство, часто прибегают к материальной помощи, выражающейся в военной информации, оружии, техники, амуниции, о чём свидетельствует политика Великобритании в отношении Китая во время гражданской войны в нём (1927–1950 гг.). Великобритания поставляла в больших количествах оружие партии Гоминьдан во главе с Чан Кайши [10]. В прокси-конфликтах принципалы используют финансовую поддержку, т.е. предоставление кредита или безвозмездная поставка денежной суммы для реализации

поставленных перед агентом задач. Во второй половине XX в. СССР в рамках прокси-политики проводил финансовое обеспечение стран Третьего мира, которое в период с 1955 по 1980 гг. составило 51 млрд долларов [6]. Последним распространённым способом ведения прокси-войны является нематериальная помощь, заключающаяся в работе СМИ и элементах «мягкосиловой» политики. Так, ЦРУ смогло сформировать позитивный образ Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА) в Заире и Замбии, посредством публикации в местных газетах статей о том, что УНИТА захватила некий город и задержала советские войска ради национальной безопасности [11]. В современном мире разнообразие методов ведения прокси-войн только увеличивается. Однако среди них преобладает именно информационная война, позволяющая изменить политическое сознание и восприятие реальных событий, как военными, так и гражданским населением.

Выводы

Теоретики прокси-конфликтов в качестве основных действующих лиц прокси-конфликтов выделяют бенефактора (принципала) и доверенное лицо (агента), количество которых не ограничено точным числом. Классификация акторов опосредованной войны имеет два вида, представленные Амос Фокс и Эндрю Мамфорд. Их различие состоит в том, что первый тип основывается на характере отношений – эксплуатация или транзакция, во второй – на участниках прокси-конфликтов и их комбинации, т.е. государства или негосударственные субъекты. Однако во всех видах взаимодействия принципала и агента используются одинаковые инструменты, которые обладают широким спектром, но основными из них выступают: материальная и нематериальная помощь, поставка «живой силы» и финансовая поддержка. Важным средством развития прокси-конфликта выступает информационная война, к которой всё чаще прибегают акторы современных международных отношений.

Список литературы

1. Данниген Ф. Дж., Бэй О. Самые горячие точки XXI в. Как будут развиваться события. – М.: Эксмо, 2014. – 832 с.
2. Дериглазова Л. В. Война в Ираке 2003 г. как продолжение войны США против терроризма // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – №. 281. – С. 11–16.
3. Капицын В. М. и др. Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – №. 4. – С. 117–139.
4. Малахов В.Т. Карибский кризис 1962 года: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2016. – №. 2 (767). – С. 106–117.
5. Савичева Е.М. Роль и место «Хизбаллы» в ливанском треке ближневосточного урегулирования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – №. 18. – С. 133–138.
6. David S.R. Soviet involvement in Third World coups // International Security. – 1986. – V. 11. – №. 1. – P. 3–36.
7. Fox A. C. Conflict and the Need for a Theory of Proxy Warfare // Journal of Strategic Security. – 2019. – V. 12. – №. 1. – P. 44–71.
8. Groh T. L. Proxy war: the least bad option. – Stanford University Press, 2019. – 265 p.
9. Handberg H.H. Understanding Iranian Proxy Warfare: A Historical Analysis of the Relational Development of the Islamic Republic of Iran and Iraqi Insurgencies. – Malmö University, 2019. – 41 p.
10. Mumford A. Proxy Warfare. – Polity Press, 2013. – 151 p.

11. Treverton G.F. Covert Action: The CIA and the Limits of American Intervention in the Postwar World. – New York: Basic Books, 1987. – 293 p.

References

1. Dunnigen F.J., Bay O. The hottest spots of the XXI century. How events will develop. - M.: Eksmo, 2014. -- 832 p.
2. Deriglazova LV The war in Iraq 2003 as a continuation of the US war against terrorism // Bulletin of the Tomsk State University. - 2004. - No. 281. - P. 11-16.
3. Kapitsyn VM et al. Proxy wars and the consistency of states in the modern world // Social and humanitarian knowledge. - 2019. - No. 4. - P. 117-139.
4. Malakhov V.T. Caribbean crisis of 1962: history and modernity // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. - 2016. - No. 2 (767). - S. 106-117.
5. Savicheva E.M. The role and place of Hezbollah in the Lebanese track of the Middle East settlement // Bulletin of the Chelyabinsk State University. - 2010. - No. 18. - S. 133-138.
6. David S.R. Soviet involvement in Third World coups // International Security. - 1986. - V. 11. - No. 1. - P. 3-36.
7. Fox A. C. Conflict and the Need for a Theory of Proxy Warfare // Journal of Strategic Security. - 2019. - V. 12. - No. 1. - P. 44-71.
8. Groh T. L. Proxy war: the least bad option. - Stanford University Press, 2019. - 265 p.
9. Handberg H.H. Understanding Iranian Proxy Warfare: A Historical Analysis of the Relational Development of the Islamic Republic of Iran and Iraqi Insurgencies. - Malmö University, 2019. - 41 p.
10. Mumford A. Proxy Warfare. - Polity Press, 2013. - 151 p.
11. Treverton G.F. Covert Action: The CIA and the Limits of American Intervention in the Postwar World. – New York: Basic Books, 1987. – 293 p.